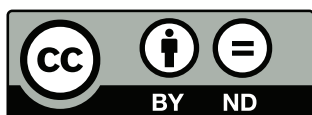

Барбара Седлецка

ПОМНЮ

Быдгощ 2008

Ten utwór objęty jest licencją Creative Commons Uznanie autorstwa-Bez utworów zależnych 3.0 Polska. Aby zobaczyć kopię niniejszej licencji przejdź na stronę: <http://creativecommons.org/licenses/by-nd/3.0/pl/>.

Pewne prawa zastrzeżone na rzecz autora publikacji.

Sybiracy.pl

2013-12-23

Барбара Седлецка

Содержание

Пинск.....	4
Полесье.....	7
Депортация.....	9
Чулак Сандык	11
Донское.....	16
Кийма	25
Пани Карпач	32
Украина.....	37

Пинск

Пинск- моя маленькая родина. Там я провела первые, счастливые годы своего детства. Рышард Капустинский написал «Выплывая из маленького, деревянного Пинска можно оплыть весь мир.» Хорошо развитая гидрографическая сеть являлась идеальным сообщением с Чёрным и Балтийским морями. Пинск- это немного сонный, окраинный¹ городок, уютящийся на обоих берегах реки Пины. Когда- то он был столицей Полесья- прекрасной, таинственной и немного мрачной земли. Обширные болота и трясины, поросшие вековой пущей, пересечены были многочисленными водотоками, как паутиной. Над незамерзающими даже зимой болотами поднимались облака пара. Девственная природа, нетронутая рукой человека, с уникальной растительностью, редкими породами птиц- это и есть Полесье. Главную роль в Пинске играли два больших военных гарнизона: Речной флот ВМС Польши и 84 Полесский пехотный полк, в котором служил мой отец. Мы жили на территории военного городка в красивом, сухом сосновом лесу. Ах, этот запах разогретой на солнце сосновой смолы! Пинск я помню примерно с 1939 года, более ранний период, как в тумане, остались только отдельные размывачатые картины. Вот, мы возвращаемся с какой- то большой выставки, отец несёт меня на плечах, помню обеды у бабушки и дедушки по воскресеньям, белое в голубые цветочки платьице, вкус драников, которые жарила бабушка. Почему именно драники? Это были последние мирные дни. Я чувствовала, что над нами нависло что- то страшное, но мы не падали духом, как- нибудь справимся, мы же сплотились и мы готовы ко всему. Мы не отдадим даже пуговицы от мундира! Отца забрали на фронт. Мы проводили его. Настроение было приподнятое. Солдаты пели весёлые и молодецкие песни. Отец долго стоял на ступеньках вагона, махая нам рукой на прощание. Поезд медлен-

¹ Восточные Крэсы «восточная окраина» — польское название территорий нынешних западной Украины, Белорусии и , Литвы некогда входивших в состав Речи Посполитой

но тронулся, ускорил бег и исчез за поворотом, мы остались одни на шесть долгих лет.

В Пинск война пришла с гулом военных самолётов. Немцы систематически бомбардировали военный городок, они делали это по несколько раз в день. Слыша вой сирен, оповещающих о налёте, мы бежали вглубь леса, чтобы наскоро спрятаться в окопах. Были слышны серии из автоматов, размещённых на крышах, но и они скоро утихли. Случилось, что во время вечернего налёта, маме пришлось завернуть моего маленького, мокрого после купания братика, в одеяло и в спешке убежать.

Ещё время от времени ездил конный трамвай, которым жители военного городка могли доехать в Пинск. В один прекрасный, солнечный день, после обеда, мы с мамой возвращались от бабушки и дедушки. Мы были единственными пассажирами этого транспорта. Мы вышли на лесной поляне, это была конечная остановка, здесь стоял памятник солдатам, павшим на войне 1920 г., вокруг цвели белые и красные розы, это место было особенно красивым и ухоженным. Был тёплый сентябрьский день, пахло соснами и цветами, одним словом идиллия. Вдруг на голубом небе показался самолёт, биплан, неожиданно он пошёл на снижение и по нам начали стрелять, пули отбивались от гравия отсыпной дороги и поднимали фонтаны песка. Пролетая над нами он повернул. Самолёт летел так низко, что я видела голову пилота в кожаной пилотке и больших очках, ему определённо нравилось стрелять в мать с маленьким ребёнком. Мама крепко держала меня за руку и мы метались из стороны в сторону. Мы часто спотыкались и падали на землю, с обитых и расцарапанных колен по ногам текла кровь. Наконец пилоту надоело, или просто нехватило боеприпасов и он улетел. Оболевшие и окровавленные, но чудом выжившие, мы добрались до дома. Жить в военном городке было нельзя, тем более, что белорусское население начало грабить квартиры военных. Дедушка приехал за нами бричкой и забрал к себе. Мы взяли с собой только самое необходимое, остальные вещи мы должны были забрать позже. Советские власти вошли в Пинск как-то «втихаря», почти незаметно, но править начали с размахом. Всё время появлялись новые распоряжения, приказы и объявления. Одним из них был приказ сдать любое оружие, которое было у жителей. Чтобы обеспечить себе безопасность, мама взяла меня с собой (с ребёнком может не арестуют). Мы отнесли парадную саблю отца. НКВДист очень мне понравился, так как одет был в чрезвычайно цветную форму: синий, голубой, красный и золотой, он немного припоминал попугая, по крайней мере мне так казалось. Офицер рассмотрел саблю, вытащил её из ножен, несколько раз махнул ею над головой и сказал: «Вот красота! Но танков, чтобы

стрелять в красную армию у вас не было.» Примерно в середине сентября по Пинску пронеслась весть, что наших гонят. Женщины наскоро схватили еду, что попало под руку, иногда несли целые кастрюли супа, хлеб, воду и другие продукты. В центре города остановилось передохнуть несколько сотен измученных до невозможности пленных. В основном это были офицеры, но хватало и священнослужителей и гражданских. Страшное зрелище. Было жарко, они сидели на деревянных тротуарах, опираясь о стены домов, пот струями лился по запylённым щекам. Они были грязные и измученные, испытывали жажду и голод. У некоторых глаза были закрыты, как будто они дремали, другие тупо смотрели вперёд- обрывки человеческого существования. Вокруг них прохаживались караульные и акие-то подозрительные типы с красными повязками на плече. Я видела, как один из них плюнул солдату в лицо со словами: «Кончилось ваше, начинается наше». Женщины раздавали воду и еду, внося оживление среди отуплённых страданиями людей. Прозвучал приказ, колонна военнопленных тяжело поднялась и едва волоча ноги направилась на восток. Куда?- Не знаю. Возможно это были будущие жертвы Катыни.

Несмотря на опасность дедушка нанял повозку и мы поехали в военный городок, чтобы привезти оставшиеся там вещи. Квартира свиду была нетронутой, но когда мы открыли дверь, нам открылась страшная правда- квартира была ограблена. Эта картина среди прочих навсегда осталась в моей памяти. До сих пор вижу пустое помещение и лежащую на полу большую пустую банку из под брусники с рушами. Из банки торчала вилка, неужели грабители солопали повидло прямо в квартире? На полу в зале валялась одна- одинёшенька чёрно- коричневая, лакированная туфелька, это были мои любимые туфельки. В квартиру грабители пробрались через окно в кухне, приставляя к нему лесенку с детской площадки. Всё пропало, у нас ничего не осталось.

Вскоре в Пинск начал заглядывать голод. Нас пригласили в деревню, в которой жил мой дядя- военный поселенец, у него был большой фольварк. Однако мы ненадолго покинули Пинск.

Полесье

Мы приехали в Полесье в начале декабря. К этому моменту оно было уже укутано зимним покрывалом. Солидный деревянный сарай и большой одноэтажный дом идеально вписывались в окружающую их пущу. Всё хозяйство было размещено на широкой поляне. Тишину и спокойствие прерывало только мычание скота, ржание коней, гогот домашней птицы и лай собак. Войны здесь не чувствовалось, она была как бы на заднем плане. Двое моих двоюродных братьев- подростков были очень весёлыми и часто шалили, чтобы нам, детям скрасить жизнь. Мы ездили на санях в глубь леса. Величественные, огромные хвойные деревья дремали засыпанные снегом по самые ветви. Чистую белизну снега там и тут пересекали следы диких живот-

ных. От тишины звенело в ушах, только иногда слышен был треск лопающихся на морозе ветвей. В Рождество 1939 года мы нарядили огромную ёлку, принесённую прямо из леса. Сначала мы повесили маленькие красные райские яблочки, потом разноцветные прянички и конфеты и, наконец, блёстки и мишуру. Такое деревце мы «объедали» долго. Последнее наше Рождество пахло сушёными грибами, свежими пирогами, вощёным полом и сосновой смолой. После сочельника было катание на санях, самое настоящее с колокольчиками и факелами. Сани выложенные овчиной были запряжены парой коней, ждали нас готовые к пути. На дворе была ночь. На тёмно- синем небе горели звёзды. Огромная луна висела над землёй и заливала всё серебристо- зелёным светом. С обеих сторон дороги непроглядной стеной возвышался чёрный лес. Мы были веселы и счастливы. Двоюродные братья- Хенё и Бронек правили лошадьми, время от времени переворачивая сани в глубокие сугробы. Мы отряхивали снег, забирались обратно на сани и ехали дальше. Казалось, что войны нет, по крайней мере здесь, на Полесье. Но война была и напоминала о себе. Ночью прокрадывались какие-то странные люди, стучали в окна и росили хлеба. Свои это или враги- не разберёшь. Дверей никто не открывал, еду

передавали через окно, после этого, те что приходили исчезали в темноте также незаметно, как и появлялись.

Счастливые для Полесья времена подходили к концу, и хотя этот период был коротким, оставил в моей памяти светлую полосу спокойствия, безопасности и беспечного детства.

Они пришли утром. Заявили о себе стуком прикладов в дверь. Разбуженные, сидя в своих кроватках, мы с моим братиком плакали навзрыд, взрослые стояли лицами к стене, с поднятыми руками. Через какое-то время мы к ним присоединились, двое маленьких детей в пижамках, с ручонками поднятыми вверх. Это яркий пример советской жестокости тех времён. Прозвучал приказ, на основании которого нас, как элемент угрожающий обществу, переселяют в другие части Советского Союза. Времени два часа и «Собирайся!». Оказалось, что нас с мамой нет в списке, однако не помогли просьбы и объяснения дяди, чтобы нас не забирали. «Заткнись и собирайся!». Началась беспорядочная беготня и суета. Мы хватали, что под руку попадалось, не всегда это были нужные вещи. Погрузили всё это на сани, нас, детей укутали в перины, чтобы мы не замёрзли, а мороз этой зимой был трескучий. Светало, на горизонте просыпалась бледная, холодная заря. Мы отправились в путь, направляясь в сторону Пинска. Мы долго ещё слышали унылое мычание скота, вой и лай собак, так животные прощались со своими хозяевами, чувствуя что-то неладное. Примерно на полпути мы заночевали. Так случилось, что в этой деревне жили наши дальние родственники, они о нас позаботились и приняли под свою крышу. Затем, пользуясь тем, что нас не было в списке организовали нам побег. Получилось, мы вернулись обратно в Пинск, на улицу Левковскую, к бабушке и дедушке. На долго ли? Дядю и тётю с детьми вывезли на север, в район Архангельска. Дядя Юзё остался там навсегда.

Депортация

Мы опять в Пинске, у бабушки и дедушки. Морозная зима 1940 г. подходила к концу. Царили голод и нужда. Мы жили в атмосфере страха и неопределённости. Придут за нами или не придут? Заберут или не заберут? А если заберут, то кого? Проживём ли спокойно ещё одну ночь? Люди прячутся, не ночуют дома. Так прошла Пасха, почти незамеченной. Я помню только посещение Гробниц Господних в костёле.

За нами пришли 13 апреля, сразу после праздников, как обычно, утром. Пришли немного спокойнее. Офицер прочитал приказ и «Собирайся!». На этот раз это мы с мамой стали элементом угрожающим советской власти. Не смотря на то, что тогда уже каждый был готов к худшему, когда пришла наша очередь, то оказалось, что к такому нельзя подготовиться. Мама неистово бегала из стороны в сторону, бабушка причитала, а времени было всё меньше. Тогда НКВДист, в котором, быть может, осталось что-то человеческое, вытащил на середину комнаты огромный бабушкин сундук и сказал собрать тёплые вещи, постель и постельное бельё. Позже именно оно спасёт нас от голода, оно будет обменной валютой. До транспорта было недалеко, всего несколько сотен метров. На платформе стоял ряд вагонов для скота и ждал. Ждал нас и нам подобных. Когда нас загоняли в вагон уже светало. Нам повезло, нам достались места на верхней полке возле окна, таким образом мы могли смотреть на мир. Не знаю, можно ли было в те времена найти другую такую семью, которую забирали дважды. Вагоны заполнялись постепенно. Мы стояли на платформе три дня. Вооружённые караульные ходили вдоль состава и следили, чтобы никто не сбежал. С большой вероятностью можно предполагать, что это был тот самый транспорт, который наблюдал будучи ребёнком Рышард Капустински и позже написал о нём в «Империи». Наши семьи, немного остыв, воспользовались моментом и принесли нам то, чего мы не взяли из дома в спешке. Прежде всего приносили запасы еды, непортящиеся продукты: каши, муку, мешки хлеба, топленный жир и даже печёных кур. Наконец пришёл тот день, когда двери вагона были задвинуты на засов и поезд тронулся в неизвестность. Равномерный стук колёс и тишина во время длительных стоянок сопровождали нас на протяжении долгих недель. Сначала не было даже туалета. Во время стоянок караульные выводили людей на обочину и заставляли справлять нужду, как бы по команде. Наверное это был особый метод унижения. Потом в полу вырубили дыру и стало немного легче. Раз в день с грохотом открывались двери и нам давали два ведра кипятка и ведро солёной селедки, не помню давали ли нам хлеб, может потому что

нам пока хватало своего хлеба. Настроение в вагоне менялось. После крайнего отчаяния приходило отрешение и депрессия, а затем истерический смех. Куда нас везут? Что с нами будет? Какая судьба нас ждёт? А может это уже конец? Транспорт ехал и ехал, казалось, что этому путешествию нет конца. На длительных стоянках, выглядывая через зарешеченное оконце, мы наблюдали за прохаживающимися вдоль состава караульными. Обычные солдаты выглядели ничтожно. Видавшая виды и потёртая шинель, на спине полотняной мешок привязанный шнурком, на плече винтовка с длинным штыком, тоже на шнурке и шапка, которая наверняка помнила ещё времена революции. Своего рода суконная пилотка сужающаяся кверху с нашитой большой красной звездой. Однажды, мой младший братик Анджей, выбросил в окошко пустышку, с которой никогда не расставался, караульный насадил пустышку на штык и подал её вверх. Вот типичная картина тех дней: двухлетний ребёнок за решёткой тюремного вагона и солдат с пустышкой на штыке. Какой-то шутник научил Анджея просить караульных: «Товарищ, дай каши!». Чаще всего за это ему грозили кулаком. Казалось, что едем без конца, только меняющийся за окном пейзаж говорил о том, что это уже чужая, враждебная земля. Где-то за Уралом мы остановились на небольшой станции. Нам открыли двери вагонов, было уже тепло, в воздухе ощущалась весна. Зеленела земля, поросшая карликовыми берёзами, пригревало солнце. Вдруг мы заметили приближающуюся толпу людей. Эти люди молча шли, нет, скорее волочились, когда они подошли ближе, мы заметили, какие они исхудавшие, сущие скелеты. Они молча протягивали руки прося хлеба. Мы собственными глазами увидели голод, о котором до сих пор только слышали. И вот мы, смертники, бросаем им целые буханки ещё польского хлеба. Вдруг те, что пришли, бросились на землю, чтобы бороться за кусок хлеба. Воистину ужасающее зрелище! Вместо стресса пришло отчаяние. Теперь понятно зачем нас везут. Мы едем на верную гибель. В таком настроении мы добрались до цели. Конечной станцией был Северный Казахстан.

Чулак Сандык

Монотонный, усыпляющий стук колёс сопровождал нас уже три недели. Вдруг, тишина. Тишина, которая нас разбудила. Разбуженные мы чего-то ждали. Собирали свои пожитки, подсознательно чувствуя, что наше путешествие подошло к концу. Издалека слышался шум мотоциклов. Раздался грохот открывающихся дверей, крики НКВДистов. Нас толкали, тормозили, выбрасывали из вагонов наш багаж. Темень, бардак и путаница. Мы взгромоздились на грузовики и разъехались в разные стороны. Ехали в темноте не известно куда, не известно за чем и не известно за что. Светало. Пока что пейзаж был очень красивый. Северный Казахстан, тогда ещё лесистый, удивил нас ободряющей прохладой и свежим воздухом. После нескольких недель проведённых в поезде мы дышали полной грудью. Не помню, долго ли мы ехали, наверное несколько дней. Чем дальше мы ехали, тем местность становилась более пустынной, степной. Бесконечная плоская равнина. Стояла невыносимая жара. Грузовики двигались по разбитому тракту, поднимая клубы пыли. Пыль залепила глаза, пробиралась в лёгкие и прилипала к вспотевшим телам. Было только несколько караульных. Здесь уже не нужно было никого караулить, бежать было некуда. Казалось, что это никогда не кончится. Наконец, мы доехали. Несколько полуразбитых, разрушенных мазанок, а вокруг степь. Вокруг ни души. Нас охватило отчаяние, плачь, а затем мы взбунтовались. Люди не хотели сойти с грузовиков. НКВДисты сначала кричали: «Слезайте!», «Выгружайтесь!», но когда это не принесло никакого результата, жестоко отрывали руки схватившиеся за борт машины, сталкивали и кидывали людей на землю, затем в бешенстве, со всей силы сбрасывали багаж. Летали узелки, рассыпались мешки сахара, бросали булками хлеба, а НКВДисты при этом отлично развлекались. Не знаю почему, но в моей памяти остался бочонок с топленым маслом, выброшенный из грузовика и разбившийся в щепки. Его содержимое вылилось и смешалось с песком. Почему мне запомнился именно этот эпизод? Может потому, что наша жизнь разлетелась на мелкие кусочки, как щепки этого бочонка. Этим жестоким садистам доставляло удовольствие отчаяние и испуг их жертв. Плакали и дети и взрослые. Я плакала беззвучно, только слёзы текли по щекам. Так я плачу до сих пор. «Как здесь жить?»- спрашивали перепуганные женщины. Тебя сюда привезли, чтобы ты сдох, чего ты хочешь? Какие могут быть претензии? Сдохни, как можно скорее, и не морочь нам голову. Такой приговор я слышала неоднократно. Показали нам только направление в котором была река Ишим и уехали, скрываясь в тумане пыли. Эта пыль ещё долго поднималась над дорогой рыжим облаком. Осталась только гора багажа и сидящие на ней люди. Однако инстинкт са-

мосохранения и желание выжить были сильнее. Подыхать пока не входило в наши планы. Нужно было взять себя в руки и попытаться приспособиться к здешним условиям. Следовало накормить детей, принести воды и найти какое-то убежище. С едой пока не было проблем, мы запаслись продуктами ещё в Польше. Правда часть продуктов была испорчена во время разгрузки багажа, но кое что уцелело. Наши близкие позаботились о том, чтобы мы забрали с собой как можно больше продуктов питания. Это всё, что они могли для нас сделать.

Первый поход за водой. У нас не было в чём её принести. Каждый схватил то, что у него было: кастрюльки, банки, на десятка полтора семей нашлось только одно ведро. К реке нужно было идти довольно-таки долго. Мы, дети, плелись за мамами по дышащей жаром степи. Солнце беспощадно обжигало. С неба прямым потоком лилась лава. Мы были еле живы, измученные жарой и жаждой, голодные и грязные. Наконец мы увидели Ишим. Захватывающее дух зрелище. Перед нами была извилистая река, вода была чистой, а у её берегов цвели лилии. Было их великое множество, белые и жёлтые, они приятно пахли цветами и илом. Как можно скорее мы окунулись в воду и весело плескались, но жестокая действительность скрипела, нужно было вернуться к разваленным мазанкам. Сейчас самое важное- это найти какое-то убежище и обеспечить себе крышу над головой. Смелчаки осторожно заглядывали в разрушенные мазанки, а там, о ужас, в углах роилось от насекомых: скорпионы, огромные чёрные, волосатые пауки, сороконожки и прочие отвратительные твари. Вся эта нечисть виляла в каком-то дьявольском танце. О том, чтобы жить в таких условиях, не могло быть и речи, нужно было поискать другое место для ночёвки. Вечерело. Огромное кроваво-красное солнце висело почти над самой землёй, когда оно зашло, небо переливалось разными цветами: красным, золотистым, розовым и фиолетовым. Это был новый, удивительный пейзаж. Такую красоту невозможно описать и выразить словами. Постепенно краски угасли и наступила ночь. Когда стало совсем темно, на тёмно-синем небе появился месяц. Казалось, что достаточно протянуть руку, чтобы дотронуться до него. Это была наша первая ночь в степи. Мы спали под голым небом. Ночи здесь бывают холодными, и замёрзли мы не на шутку. Утром, вместе с первыми лучами солнца наступала жара. Сначала завтрак, был даже горячий чай. Готовили на сооруженном на скорую руку очаге: два кирпича, на них кастрюля, а под ней костерок и уже можно было готовить. Правду говорят, нужда-мать изобретательности. Целый день прошёл в тяжких трудах. Все собрались, чтобы привести в порядок мазанки. Чтобы избавиться от насекомых мы разожгли огонь и задымили хаты. Подметали, поливали водой, чистили стены и устраивали место для сна. Это уже был кусочек крыши над головой, хотя без

окон и дверей. В этих хатках когда-то зимовали пасущие овец кочевники. По какой-то причине они покинули это проклятое, забытое Богом и людьми место. А теперь нам, людям из цивилизованного мира, приходится бытовать в этих примитивных, нечеловеческих условиях. Взрослые старались обеспечить нам существование, у них не было времени заниматься детьми, а нас было много и мы охотно пользовались полученной свободой. Чаще всего мы ходили к Ишиму, от реки тянуло приятной прохладой. Мы плескались в воде, бродили по мелководью, мы могли даже утонуть в коварных водах реки. Никто за нами не присматривал, мы гуляли по округе сами по себе, прятались в высокой траве. Однако я не припомню каких-либо совместных игр или дружбы, мы были вместе, но какбы по отдельности. В нас не было ни радости ни детской беспечности. Со временем мы стали всё дальше отдаляться в степь. Во время одного из походов мы наткнулись на старое, забытое в степи, казахское кладбище. Вот это было развлечение, аж мурашки по коже! Мы пугали друг друга, эмоциям не было предела. Мы заглядывали в полуоткрытые гробницы, в которых были завёрнутые в саваны тела умерших. Усопших хоронили сидя, над головой был каменный козырёк, ноги были совершенно открыты. Из-за сухого, континентального климата Казахстана трупы не разлагались, а мумифицировались. Намного позже я видела ещё одно казахское кладбище. На похоронах, над могилой ставили юрту, а в ней все предметы, которыми пользовался усопший, в том числе еда. Спустя три недели всё это убирали и забывали о могиле. Наши походы на кладбище оставили негативный отпечаток на моей психике. Мне снились кошмары. Хотя я была там всего два раза, прошло много времени прежде чем я пришла в себя. Ещё одним жестоким развлечением была охота на пауков. В основном этим занимались мальчишки. Огромные, чёрные, волосатые твари жили в норах и, вероятно, были ядовитыми. Дети делали шарики из смолы, опускали их на нитке в норку и вытаскивали приклеившегося к шарiku паука, который смотрел на всех большими глазами.

Через несколько недель у нас закончились продукты. Мы съели всё, что привезли из Польши. Пришёл голод, огромный, жестокий голод. У нас не было ничего, что можно бы было съесть. От голода мучали спазмы в желудке и бурчало в животе. Чувство голода ужасно. Оно не отпускает ни на минуту, думаешь только о еде и ни о чём другом. Когда мы не ели уже три дня, нашими мамам пришла в голову идея, как нас накормить. На мелководье Ишима плавало множество мелких рыбок. Они были такие маленькие, что поймать их не было возможности. Кто-то изобретательный соорудил корзинку, которой ловили рыбу мелочь. Эту корзинку, не знаю почему, называли мордой. Её плели из тростника, она имела форму сигары и была сделана очень хитро, внутри была как бы воронка, рыбки

вместе с водой попадали внутрь, но выбраться из ловушки уже не могли. Рыбалка длилась целыми днями. Женщины бродили по колено в воде и вылавливали молодёжь до самого вечера, а голодная детвора сидела на берегу и терпеливо ждала еды. После захода солнца начиналось приготовление пищи. Вонючих рыбок нужно было перемолоть в мясорубке, а затем слепить из этой массы шарики. Ничто не могло пропасть, поэтому перемалывалось всё, вместе с головами и внутренностями. Мясорубка была одна, поэтому её передавали из рук в руки, а для голодных детей это длилось долго, даже слишком долго. Но мы были удивительно терпеливыми, не плакали, только ждали и ждали и в конце концов уснули голодными. Светало, когда мама нас разбудила и накормила. Полуспящие, мы жадно ели рыбные тефтельки и запивали их питательным бульоном. Этот вкус я навсегда запомнила. Мы также самостоятельно пытались найти еду. Я уже говорила, что на Ишиме цвели лилии, когда они отцветали, появлялись плоды, похожие на маковые коробочки, в середине были мелкие семена в липкой, прозрачной слизи. Они не имели абсолютно никакого вкуса, но есть и хоть чем-то наполнить желудок можно было.

Пришлось срочно искать спасения от голодной смерти. Необходимо было найти людей, достучаться до властей, чтобы раздобыть хоть какую-то еду. Женщины помладше и посильнее разделились на две группы и пошли в разных направлениях. Перед ними была полевая, скорее даже степная дорога, по которой когда-то нас сюда привезло НКВД. Их не было несколько дней, в конце концов они вернулись, привозя с собой немного еды, которую удалось выменять за одежду, и какую-то комиссию, которая состояла из нескольких военных и одного гражданского, руководителя колхоза. Все они были в меру обходительны и изображали заинтересованность нашими судьбами и условиями, в которых нам приходилось существовать. Покачали головами, констатировали, что нам нужно помочь. Голосом не терпящим возражений приказали руководителю колхоза привести нам хлеб и молоко для детей и довольные, уехали. Остался только тот ответственный. Люди обступили его, спрашивая, когда привезут продукты, на что он дерзко и без зазрения совести ответил: «Догони тех, что обещали, пусть они дают.», после вскочил на коня и след его простыл. Всё осталось по-прежнему. От голодной смерти спасала нас только меновая торговля. Мы уже знали, где находятся поселения. У нас ещё было много одежды и постельного белья, которое можно было выменять на еду. Ходить приходилось пешком, почти два дня, ночевали под голым небом, а небо было великолепно. На тёмно-синем фоне мерцали миллионы звёзд. Мягкий лунный свет был таинственным и почти сказочным. Эта сногшибательная красота так контрастировала с нашей нищетой,

что иногда казалось, что добрый Бог, который создал всё это, забыл о нашем существовании. Из этих походов приносили зерно, кашу, иногда немного жира или кусок хлеба, благодаря этому можно было продержаться какое-то время. О приближающейся осени напоминали изменения, которые происходили в природе. По степи неслись косяки круглого бурьяна, который здесь называют перекатиполо. На небе висели оловянные тучи. Холодало. А мы, в дырявых мазанках, брошенные не погибели в голодной степи, с ужасом думали о зиме. Люди болели. Началась эпидемия тифа и желтухи. Одной из первых заразилась наша мама. Лежала бедная, вся жёлтая, съёженная на подстилке, положенной прямо на полу. Было уже совсем холодно, поэтому мы прижимались к маме, стараясь согреться. Каким-то чудом нам удалось не заразиться. Вместе с братиком Ендрусем² мы были замёрзшие, голодные, но здоровые.

Когда уже почти не осталось никакой надежды, приехали телеги, запряжённые волами. Мы увидели их из далека. Животные гордо и очень медленно приближались к нам. Это было спасение. Как можно скорее мы погрузились и двинулись в путь. Только бы подальше от этого проклятого места. Маму положили на повозку выложенную соломой, так как она ещё не могла самостоятельно удержаться на ногах. Караван перемещался медленно. Волы, под тяжестью деревянного хомута шли в своём темпе. Шагали достойно и почти не обращали внимания на погоняющих их казахов. Дорога была долгая и монотонная, но вела к жизни, давая новую надежду. В какой-то момент людей разделили и рассеяли по разным колхозам. Нас поселили в колхозе Донское.

² Уменьшительно-ласкательная форма имени Анджей

Донское

1941 год. Это уже вторая весна вдали от Родины. Степь по горизонт покрывалась пёстрым ковром красных, жёлтых, белых и розовых тюльпанов. Природа дарила множество цветов, запахов и форм. Воздух дрожал, а на горизонте синела полоса гор на самом же деле гор там не было, это всего лишь иллюзия, обман зрения, фата- моргана. Помню, как я сидела неподвижно перед домом на окраине и смотрела в степь. Маленький ребёнок, который уже перестал быть ребёнком, ребёнок, который не плачет от голода, потому что считает, что так и должно быть, что это нормально. Маленький, затравленный зверёк, к которому из степи приходило другое живое существо, похожее на ласку. Завязалась странная дружба, маленькая искорка радости в этой грустной жизни. Наверное это был подарок судьбы. Зверёк совсем меня не боялся, смотрел на меня маленькими, блестящими глазками и вставая на задние лапки предлагал поиграть и требовал хлебных крошек. Он заменил мне игрушки, которых у меня не было.

Дом, в котором мы поселились был большой и унылый. Раньше он долгое время пустовал. Когда- то там жили кулаки - богатые крестьяне, перебитые после революции. Шли слухи, что там во время драки убили человека. Доказательством этого было бурое пятно крови, которе нельзя было никак смыть. Ни замазать глиной, ни отдраить не получалось. Оно опять появлялось. К счастью, мы жили в другой комнате и нам не приходилось постоянно смотреть на этот кошмар. Моя семья это- мама, трёхлетний братишка Анджей и Пани Юлия. Именно она доставала еду и дрова на зиму. Заботилась о нас. У неё была более сильная психика, она не позволяла маме отчаяться.

В первой комнате, прихожей, жила Пани Мария с двумя маленькими дочками. С ней начало происходить что-то странное. Она замкнулась в себе, избегала нас и упёрто молчала. Не разрешала своим девочкам играть с нами. Сначала казалось, что ничего страшного в этом нет, говорили, что у неё тяжёлый характер, что она легко обижается и у неё по любому поводу претензии. Неприятная ситуация со временем усугубилась, а из- за этого появились дополнительные переживания. Но худшее было впереди. Так вот, однажды утром, мы проснулись и не смогли выйти наружу. В течение одной ночи Пани Мария замуровала двери, отрезая нам выход. Для этой цели она использовала камни, которых в округе было целое множество. Ситуация безвыходная в прямом смысле этого слова. Мы оказались взаперти, как в клетке. К счастью было ещё окно, через которое можно было выбраться наружу. Так и осталось до конца нашего пребывания в этом доме. Добрые люди соорудили

с одной и с другой стороны окна лесенку, чтобы можно было в меру безопасно попасть в комнату. Мама и Юлия взялись за строительство. Нужно было пристроить к окну веранду, чтобы защититься от холода зимой и чтобы было место для дров. Они приносили камни и укладывали их, скрепляя глиной. Все стройматериалы были под рукой, нужно было только их собрать. Природа давала всё, делала человека самодостаточным, помогала ему выжить, но и убить тоже могла. Пришлось заново учиться жить. Те, которым хватало силы и решимости, должны были выжить, те что послабее, лишённые инстинкта самосохранения- погибнут. Человек даже представить себе не может, сколько он в состоянии вынести. И только в экстремальных условиях в человеке просыпается такая энергия, такое желание выжить, о которых он даже понятия не имел. Тем временем с нашей соседкой было всё хуже. Она как раз и была более слабой. То, что первоначально считали мерзким характером, было предвестником психического заболевания. Пани Мария создала свой, вымышленный мир. Существование в этом мире привело к трагическому концу. Мария решила построить себе дом. Начала собирать строительные материалы, собирала камни со всей округи, иногда очень большие и приносила их на место мнимой стройки. Результаты этого адского труда не заставили себя долго ждать. Мария сорвала и повредила себе разные внутренние органы. У неё выпал кишечник и попала инфекция. Умерла в страданиях и осиротила две дочки. Я слышала, что они вернулись в Польшу. Не смотря ни на что, жизнь продолжалась без шансов на лучшее. Бездна, отчаяние и маразм. И вдруг, как гром среди ясного неба, раздалась весть о том, что началась советско- немецкая война.

Как сейчас помню, жаркое июньское утро, люди собрались на площади перед разрушенной церковью и внимательно слушали обращение. Потом женщины зарыдали, а мужчины кричали прославляя Сталина. Для нас это была какая- то надежда, что что- то изменится. Сегодня это может показаться странным, как можно радоваться тому, что началась война?! Но мы радовались. Мы с братом взялись за руки и танцевали до упаду, таким образом нам передалась радость взрослых. Но очень быстро мы поняли, что война, хоть и на расстояние, но собирает свой урожай вокруг нас. Деревня опустела, остались только женщины, дети и старики. Мужчины ушли на фронт. Даже сегодня в ушах звенит крик женщин, бегущих в управление за похоронкой. Но мир существовал, как и прежде. Менялись времена года, у природы свои законы. Весна как пришла неожиданно, так и ушла, наступило жаркое сибирское лето. Степь выгорела и потеряла своё обаяние. Трава высохла, а земля потрескалась от засухи и жары. Мы жили теперь в другом ритме. Жили мы медленнее, приспособились к природе. Жара делала ленивыми людей и всё вокруг. Пришло время собирать кизяк. Каждый день мы ходили далеко

в степь, таская тяжёлую тележку. Мы собирали высохшие коровьи лепёшки, оставленные пасущимся там скотом. За весь день мы собирали целую тележку и ещё два огромных мешка. Это всё связывали верёвкой и перед наступлением темноты возвращались домой. С моей маленькой точки зрения телега казалась огромной горой. Мама сама запрягалась в телегу, а я старалась толкать сзади. Таким образом мы собирали топливо на зиму. День за днём мы проработали всё лето. Это была борьба за выживание. Пережить зиму, можно было только тогда, когда было чем растопить печь.

Лето было в разгаре. Утром всходило огромное красное солнце и висело неподвижно над бескрайней, выгоревшей степью, чтобы вдруг разлить на землёй яркие лучи света. Становилось очень жарко и всё живое пряталось и замирало. Наша жизнь тоже протекала в замедленном темпе. У нас было ещё немного вещей, привезённых из Польши и мы меняли их на еду. Пока мы не голодали. Голод был ещё впереди. В этой монотонной действительности своеобразным развлечением взрослых была игра в карты. Карты, конечно же тоже нужно было сделать самим. Мама с Юлией с азартом играли в тысячу.

Примерно в конце лета в Донском появились новые жители. Приехали евреи из Одессы, убегая от приближающегося фронта. Среди них была женщина по имени Бетка, мы с ней подружились, она тоже любила игру в карты. К ней вечерами ходила мама и Юлия на несколько партий любимой игры. Перед выходом они укладывали нас спать. Ендрусь моментально засыпал, а я не могла уснуть. Меня охватывал ужасный, вездесущий страх. Я неподвижно лежала в темноте и чувствовала, как этот страх выползает отовсюду. Он был совершенно материален, практически осязаем. Я чувствовала, как он подползает ко мне и облепляет меня со всех сторон. Я боялась пошевелиться, боялась дышать, цепенело всё тело, лился холодный пот. Сердце уходило в пятки, я ощущала что-то необъяснимо жуткое. Когда всё это достигло зенита, я чувствовала себя так, как будто я спала головой вниз. Наверное плохая энергетика этого дома хотела меня убить. Из последних сил я срывалась с постели и убегала во двор, там я тоже боялась, но страх уже был другой, более освоенный. Я садилась на корточки в углу, между верандой и стеной здания, ежилась так сильно, на сколько это было возможно, казалось, что я становлюсь невидимой. А ночная степь жила своей жизнью, что-то вдалеке аукало, что-то ползло, что-то шипело. Но эти страхи были настоящие и как будто более дружелюбные. Ночь стерла очертания. Усеянное звёздами небо окутывало всё вокруг, а я часам сидела там перепуганная и замёрзшая. А потом выслушивала нравоучения, опять проблемы с этой странной Басей, вместо того, чтобы послушно спать опять вредничает. Я принимала замечания со смирением, я чувствовала себя вино-

ватой и малозначимой, и не умела объяснить, что чувствую и почему мне так тяжело, мне же было всего семь лет. Я была ребёнком, лишенным детства. Сейчас мне кажется, что я пережила самую большую травму в жизни, которая негативно повлияла на мой характер. Будучи уже взрослой, я тоже не умела общаться с людьми, никогда не умела объяснить, чего я хочу, чего желаю, что чувствую. По-моему это разновидность психического увечья.

В середине лета я заболела цингой, местные так называли тяжёлую форму скорбута. Я лежала слабенькая и беззащитная, без какой-либо медицинской помощи. Вся ротовая полость была сплошной раной, из уголков рта тек гной. Я ничего не ела, не помню, пила ли я что-то. Время от времени я погружалась в какой-то летаргический сон. Все зубы шатались, распухшие дёсна были как тесто. Скорее всего я бы умерла от голода, если бы не бабушка Имамбаева, пожилая женщина с мудрыми глазами и добродушным, морщинистым лицом. Когда она пришла ко мне, на ней была белая чадра. Бабушка Имамбаева принесла синий камень, какой-то минерал похожий на большой кусок соли, только цвет был необычный, ярко-бирюзовый, им она меня и лечила. Мелко раздробленный камень частично растворялся в воде, окрашивая её в синий цвет. Этим раствором я полоскала рот. На вкус он был немного резковатый, терпкий и кисло-горький, зато эффективный. Я потихоньку выздоравливала. Мой добрый ангел, в лице этой пожилой мусульманки приносил мне в маленьком чайничке кумыс. Этим кислым кобыльим молоком меня поили, вливая из чайничка в рот по несколько капель. Потом, в виде исключения, я получала от колхоза пол литра молока в день, я делилась этим молоком с братом. Осенью маму заставили работать в колхозе. Из-за этого мы целыми днями были одни, без присмотра. Часто голодные шатались по деревне часами. Когда вспоминаю это, то вижу, как судорожно держу брата за ручку и не отпускаю даже на секунду. Я знала, что я несу за него ответственность и старалась, как могла. Иногда кто-то нас жалел и давал что-то поесть. Частенько это делали дедушка и бабушка Шмыгель, одинокие пожилые люди, белорусы, которые питали к нам особую симпатию. При виде нас уже издали кричали: «Вася, Вася, иди сюда!» Нам давали по куску хлеба. Ах, какой у него был вкус! Кто не пережил голод не смог бы почувствовать этот вкус. Мы с братом никогда ни у кого не просили еды. Чувство голода было для нас нормальным состоянием, мы к нему привыкли. Примерно тогда же мы подружились с двумя девочками нашего возраста. Они жили с амой и бабушкой, отец был на фронте. Акимченко были хорошими людьми. Относились к нам, как к своим детям. Ставили перед нами на табуретке огромную глиняную миску горячих щей, давали каждому деревянную ложку и мы, вчетвером, стояли на коленках возле табуретки и с аппетитом хлебали суп из общей мис-

ки. Иногда в щях попадались аппетитные шкварки или кусочки мяса, тогда обе девочки наперегонки старались их выловить. Они даже дрались за такую добычу, колотили друг друга ложками по голове. Мы с Ендрусем не принимали участия в этой баталии, как гости, мы скромно довольствовались тем, что осталось. Я очень тепло вспоминаю эту семью, я благодарна им, что они помогли нам выжить, разрешили нам бывать у них и играть с их детьми. Ещё мы с мамой бывали у казахской семьи Имамбаевых. Они нас любили, их интересовало всё, что мы собой представляли. Мы были пришельцами из другого, неизвестного мира. Казахи тогда старались держаться подальше от русских. Это был свободный народ. Свободу им давала степь и раздолье. Казахам жилось немного лучше, чем остальным, у них всегда было что поесть. По отношению к нам они были очень гостеприимными. В основном они приглашали нас на ужин. Приготовление ужина превращалось в настоящий ритуал. В огромном котле, вмурованном прямо в очаг, варили только что зарезанного барана, когда баран был почти готов, в жирный бульон бросали тонко раскатанные листы теста. Вот это было пиршество! Приходили все члены семьи и мы садились за стол. Мы садились по-турецки за большой, круглый и низкий стол. На гигантском деревянном блюде вносили мясо, вокруг которого лежали листы теста. В глубоких чашечках, кисейках, подавали бульон. Но прежде все мыли руки водой из чайника. Хозяин дома, закатав рукава, отрезал куски мяса и подавал по очереди всем собравшимся. Мы ели с аппетитом, запивая жирным бульоном. На десерт был зелёный чай с лакомствами, сделанными из молока. Обычно это был кислый курт и похожая на белый шоколад сарса. Для нас, детей, это были единственные сладости, которые мы знали. К сожалению, такое удовольствие мы имели редко, так как следующий ужин готовил другой член клана и нас уже не приглашали. Думаю, что казахи относились к нам с симпатией потому, что они тоже чувствовали себя в опасности из-за тоталитарного советского режима.

Время текло лениво, постепенно приближалась осень. Небо набрало оловянного оттенка и висело низко над горизонтом, степь была серой и унылой. Подгоняемые ветром огромные стада колючих кустарников неслись в каком-то диком беге, чтобы через секунду исчезнуть за горизонтом. Это странное и невероятное явление пробуждало беспокойство и уныние. У меня было такое предчувствие, что грядёт что-то неизвестное, а значит опасное. С каждым днём холодало. Мы с братом всё также бродили по селу, держась всё время за руки. Два маленьких, беззащитных существа хотели таким образом хотя бы немного безопаснее себя почувствовать. Однажды мы пошли к маме, которая тогда работала при производстве топлива для колхоза. Она погоняла волов, которые уминали навоз смешанный с соломой. После того, как эта масса высыхала, её резали на куски и зимой этим топи-

ли в разных государственных учреждениях. Мы были довольно таки тепло одеты. Ендрусь был одет в пальтишко, а сверху фартучек со скрещёнными на спине лямками. Вдруг, мы увидели несущегося разъяренного быка. Никто из присутствующих не успел ничего сделать. Мы замерли от ужаса, когда это чудовище подняло моего братика на рога и со всей силы швырнуло его на землю. Если бы не тёплое пальто и фартучек, то моего брата уже бы не было в живых. К счастью, бык зацепил рогами за лямки и мой брат отделался ушибами и ссадинами. Быки часто шатались по деревне, как бездомные собаки. Однажды, я видела, как два зверя дрались между собой на смерть. Обычно такие битвы длились несколько часов, они атаковали друг друга на изрытой вокруг земле и истекали кровью, никак не удавалось их разнять, и только какой-то смельчак решился вскочить на спину одного из них и убить его ударом ножа. Мы, маленькие дети, были свидетелями этой жестокой, кровавой сцены. Нас не щадили. В таких условиях формировалась наша психика, на которой остался глубокий след.

Шаг за шагом приближалась зима. Мы переехали в другой дом, скорее даже не дом, а мазанку. Избёнка была уютной и лучше приспособленной к зиме. Я перестала бояться. Большую часть помещения занимала печь. Печь была огромной и на ней свободно помещалась наша постель. В принципе, большая часть нашей жизни вертелась вокруг этой печи: там мы спали, там по ночам играли, при свете масляной лампы, мама вязала чулки и носки. Там было тепло. Печь была центром нашей жизни. С приходом зимы наступили жгучие морозы, намело столько снега, что всё вокруг превратилось в снежную пустыню. Ледяная белизна снега ослепляла. Замело дороги и хаты, пейзаж стал неподвижным и бескрайним. Наступила великая тишина, всё вокруг замерло. Маленькая избёнка стала для нас целой вселенной. Этой зимой мы ни разу не вышли на улицу, нам просто не во что было одеться. Мы целыми днями сидели закрытые в четырёх стенах, в прямом смысле этого слова, так как мама, уходя на работу, закрывала нас на замок. Маленькие оконца заслонил мороз, рисуя на стекле причудливые узоры. На них можно было смотреть бесконечно, представляя себе сказочные сады и прогулки в них. В толстом инее мы выскабливали маленькие дырочки, которые позволяли нам одним глазом смотреть на мир. У нас не было игрушек, не было чем заняться, поэтому мы часто просто бессмысленно ходили по кругу. Фантазия нам подсказывала разные сценарии, чаще всего мы играли в охоту на волков. Я собирала старые тряпочки, обрезки материала, пряжу с распущенных носков и из этих сокровищ шила кукол. Мы играли в кукольный театр, а наши куклы исполняли разные роли. Однажды, бабушка Имамбаева принесла нам мисочку масла, но так как дверь была заперта подала нам её через вырезанную в двери (скорее всего для собаки) дыру.

Мы ели это масло без хлеба, а когда нам стало нехорошо, мы нашли для него другое применение. Оказалось, что оно идеально подходит для рисования по отбеленных известью стенам. Мы стали творить. Наши шедевры написанные пальцами на стене очень нам нравились, но мама, вернувшись с работы не оценила по достоинству наше творчество и устроила нам головомойку. Мы уже никогда, во время нашего пребывания в Казахстане не рисовали, только изредка палочкой на песке. Этой зимой я научилась читать. Маленький голубой молитвенник был моей азбукой. Никакой другой книжки у меня не было и я читала этот молитвенник, пока не выучила наизусть. Ситуация кардинально изменилась, когда местная учительница подарила мне сборник русских сказок. Они очаровали меня настолько, что я очень быстро научилась бегло читать по русски. Я была самоучкой. Сказочный мир затянул меня с головой. Он так сильно отличался от того, который окружал меня до сих пор. Как Алиса в стране чудес, я мело делала шаг в Зазеркалье и уже была вместе с моими любимыми героями. Я проникалась их судьбами, восхищалась красотой Жар-птицы, изумлялась силой Валигоры и Вывидуба, плакала над судьбой Иванушки-дурачка, но больше всего мне нравился Конёк-горбунок. Время увлечения русской литературой я запомнила, как доброе и светлое. Приближалось Рождество. Юлия решила нас порадовать и нарядить Ёлку. По пояс в снегу она побрела к Ишиму, там на берегу росли кусты раkitника. Прямые, безлистные ветви этого растения выглядели убого, как и всё наше сибирское детство, но для нас с братом это была самая красивая ёлка. Мы украсили её так красиво, как только могли. Из газет сделали мишуру, из оставшейся, ещё польской ваты сделали снег, а на макушку прикрепили самое ценное украшение, которое у нас было- рекламу грибного соуса, которая каким-то чудом приехала с нами аж в Казахстан. Книжечка в форме грибочка-боровика заменила нам вишлеемскую звезду. В моей жизни было много ёлок, но эта осталась в моей памяти навсегда. Даже сейчас я вижу её со всеми подробностями. Как мало нужно для счастья маленькому человеку. Чувство радости в условиях крайней нищеты и безнадёжности бывает очень субъективным.

Зима окончательно сковала льдом всё вокруг. Морозы доходили до - 40°C. Выйдя из дому нельзя было свободно вздохнуть, брови покрывались инеем, замерзали руки и ноги. При каждом вдохе чувствовалась боль в груди. Пришла пора буранов. Эти страшные снежные бури унесли с собой ни одну человеческую жизнь. Ветер подхватывал замёрзший сыпучий снег и уносил его в совершенно другое место. Метель размывала контуры, небо покрыла густая пелена. Снежные вихри закрутили, завертели, а случайный прохожий, вышедший из дому, был тут же ослеплён колючим снегом, терял ориентацию и почти всегда замерзал. Обычно такая

участь постигала поляков, так как местные во время бурана не высовывали нос из дому. Я слышала историю женщины, которая вышла за молоком для детей и уже не вернулась, её тело нашли только весной. Бураны бушевали, слышались ужасающие стоны, вой, рыдание и, как будто детский плач. Эта свистопляска могла продолжаться день, три или целую неделю. После того, как бураны утихали, тот кто первый откопался, откапывал соседей. Появлялись снежные туннели, которые вели к окнам и дверям жилищ.

Долгими зимними вечерами, мы щелкали семечки. Юлия ходила на так называемый масак, на отдалённые поля несобранных подсолнухов. Приходилось брести по пояс в снегу, затем ударяя в подсолнух, молотить зёрна в подставленный мешок. Дома зёрна жарили в печи и можно было их есть. От семечек у местных выщерблялись зубы.

Настоящей чумой этой зимы были волки. Белые волки, в своих зимних защитных цветах, восхищали. Было их очень много. Скорее всего, приближающиеся военные действия заставляли животных убегать в более спокойные места. По ночам они подходили к деревням, окружали их и устрашающе выли. В темноте мерцали огоньки их глаз. Притаившись они ждали, чтобы напасть. Они растерзали всех деревенских собак. Подкрадывались к сараям, чтобы загрызть и съесть домашнюю скотину. Женщина, которая жила с детьми на окраине, услышала ночью подозрительный шум, решила проверить, что происходит и в ужасе увидела волка, он застрял в лазейке, которую сам выкопал и так и остался: половина тела в сарае, а половина снаружи. Женщина взяла лом, взобралась на крышу, проделала дыру в обшивке сбросила лом и зашибла волка. Единственное, чего боялись эти звериказачов- охотников. Характерная фигура охотника на коне, в огромной меховой шапке, с длинной ургой, будила в них страх и заставляла убегать. Я встретилась с волками только раз. Приближалась весна. Было уже теплее и я пошла с мамой в соседний колхоз. Мы прошли всего пару километров, когда увидели вдали огромный, разваленный стог сена, на стоге резвилась стайка волков, десятка полтора. Мы так испугались, что моментально развернулись и убежали. К счастью животные были заняты собой и не обращали на нас внимания.

Занятые повседневными заботами, изолированные от мира, недоинформированные, мы понятия не имели, что польская армия Генерала Андерса покинула СССР. Начались репрессии по отношению к нам. Лишение польского гражданства погрузило нас в отчаянии. Мы взбунтовались и не приняли советских паспортов. Тем временем мы получили повестку из Киймы, безотлагательно явиться в НКВД и получить советские паспорта. Привели сани запряженные парой лошадей. Мама, опасаясь ареста решила не расставаться с нами, поэтому на сани

погрузили всё наше имущество, перины и немного одежды. Укутанные во всё, что можно было, закопанные в сене мы двинулись в Кийму. Так начался новый этап нашей жизни.

Кийма

Кийма приветствовала нас осенним ненастьем и уродливыми постройками. Жителями этого захудалого городка почти в ста процентах были спецпоселенцы. Большую часть из них составляли поляки, именно они нас и приютили. Когда мы приехали выдача паспортов уже закончилась. Первые вызванные за получением паспорта, что было равносильно с принятием советского гражданства, оказывали сопротивление. Их садили в тюрьму, психически издевались, грозили ГУЛАГом. Лишая польского гражданства, Сталин мстил за вывод армии генерала Андерса из СССР. В Кийме уже у всех поляков были паспорта, так что в нашем случае это была чистая формальность. Наше положение не радовало, все практически отчаялись, лишённые надежды. Подавленность и маразм охватили людей.

В такой атмосфере нам пришлось жить в Кийме. Мы поселились в очень старой деревянной хатке. Типовая постройка для маленького городка. На ней ещё видны были остатки былого великолепия в виде расписных наличников. Скорее всего, раньше там жили свободные и зажиточные люди. Два больших помещения были набиты битком. Там теснилось несколько польских семей. Нам достался единственный свободный угол, самый тёмный, за печью, там стояла наша кровать, она обозначала пространство, которое принадлежит только нам, там мы спали, там ели и играли, а чаще всего, мы с братом сидели и наблюдали за жильцами, а было на что посмотреть.

Кто проживал в этом доме? На самом деле всех я не помню, но некоторых я запомнила хорошо. Русская хозяйка с двумя пасынками жила на большой печи. Муж, как и большинство мужчин, был на фронте, она работала дояркой и целыми днями её не было дома. Возвращалась вечером и приносила с собой, спрятанную под тулупом, плоскую бутылочку молока. Младший мальчик, хоть и умственно недоразвитый, зато с золотым сердцем, иногда делился с нами капелькой молока. Старший пасынок- подросток учился в школе и был закоренелым коммунистом, преклонялся перед Сталином и слепо в него верил. Не он один, остальные его земляки так же, как и он слепо верили.

Пани Карпач занимала угол ближе окна, стоял там огромный сундук скрывающий всё её имущество. Эта миниатюрная, филигранная старушка на нём жила, там же и спала. Постель у неё была роскошная, выложенная перинами и подушками. История пани Карпач это целая повесть, поэтому оставлю её на потом.

На полати чаще всего сидел Мундек. Ему было около шестнадцати, но менталитет на уровне трёхлетнего ребёнка. До сих пор помню его исхудавшую донельзя

фигурку. Его тело было покрыто струпьями и чиряками. Он был вечно голодный, собственная мать морила его голодом. Эта женщина была слишком уж набожной и насильно пыталась сделать из своего сына- инвалида святого. Когда кто-то из жалости давал ему кусок хлеба- отбирала, говорила: «Понюхай, но не ешь!». Возмущённым сожителям объясняла, что таким образом тренирует у него силу воли, которая необходима для самоистязания, однако не припомню, чтобы по отношению к себе она тоже была так же строга. Выглядела упитанной, что было нетипично в тех условиях, ухоженная, немного элегантная и даже кокетка. Из- за своего странного религиозного экстаза, эта дама главным образом занималась украшением алтарей и организацией молебнов, себе же она приписывала роль священнослужителя. В этой религиозности было нечто странное, ненормальное, с одной стороны она пламенно молилась, с другой проявляла такую жестокость к собственному сыну. Неохотно вспоминаю этот персонаж. Мундек не выжил, умер после нашего отъезда на Украину. Я часто задумывалась над тем, как могли такое допустить люди, которых там было так много. Почему они были так безразличны? Почему ограничились тем, чтобы дать кусок хлеба этому бедняге, которого он не хотел съесть без разрешения матери. Я была только ребёнком.

Из другого помещения, не менее переполненного, лучше всего я запомнила пани Ирену. Она родилась в богатой семье чиновника высшего уровня. Выросшая в богатстве и роскоши, никогда не смогла смириться с нищетой, просто не допускала такой мысли. Жила совершенно в другом мире. У неё не было детей, поэтому ей не приходилось ложиться костью, чтобы раздобыть еду, так как это делали матери. Помню её юбку, Ирена сшила её из сотканной вручную ковровой дорожки. Мне она казалась очень красивой: цветная, вся в радужную полоску. У Ирены был кот, великолепный сибирский, красивого окраса. Шерсть у него была ражая, полосатая и пушистая. Его огромные зелёные глаза завораживали. Целыми днями он лежал на постели вместе со своей хозяйкой, а ночью ловил мышей и другую мелкую живность. Кот был откормленный, ему было хорошо, а уж точно лучше, чем его хозяйке.

Удивительно, сколько ненужных вещей забирали с собой депортанты. Пани Ирена забрала с собой поваренную книгу. Она часами читала рецепты и говорила, что чувствует запах и вкус блюд, как будто бы она их ест. Фантазируя обманывала свой желудок, это помогло ей продержаться.

Я в это время начала читать по польски. Первый мне в руки попался довоенный «Огонёк». С румянцем на лице я поглощала рассказы о обычной жизни людей, о жизни, которой я не знала.

В Кийме голод всё чаще заглядывал нам в глаза. Из-за большого скопления людей трудно было раздобыть продукты и не осталось ничего, что можно бы было обменять на еду. К тому же нас донимали вши. Антисанитария, битком набитые помещения, невозможность нормально помыться, создавали благоприятные условия для этих паразитов, которые являлись переносчиками разных опасных заболеваний, таких как тиф. Заразные заболевания распространялись, а тиф собирал самый богатый урожай душ. Дети болели дифтерией, даже мой братик Анджей заразился и тяжело болел. Температурил, долго лежал без сил. О медицинской помощи не было и речи. Повидимому ему суждено было выжить, он выздоровел благодаря тому, что организм сам поборол болезнь.

Вши были везде. Переходили с одного человека на другого. Борьба с ними, это как борьба с ветряными мельницами. Одни жили в волосах, другие в одежде. Возле кровати Ирены стояла коробка прикрытая чёрным сукном. На тёмном фоне очень хорошо было видно этих паразитов. Они были большие и маленькие, перемещались в разных направлениях, бродили в поисках новой жертвы. Мама держалась молодцом и старалась бороться с этой напастью. Каждый день она гладила нашу одежду, выжигая горячим утюгом вредителей, которые гнездились в швах. Брату обрили голову, только спереди осталась смешная чёлка, а мне постоянно мазали голову керосином. В педикулёзе не было ничего постыдного, это явление было принято обществом. По праздникам женщины выходили во дворы и вылавливали друг у друга вшей, это было своего рода развлечение.

Жизнь в таких условиях становилась невыносимой. Люди буквально спотыкались друг о друга. Вспыхивали споры и ссоры, иногда совершенно без повода. Летом можно было убежать из этого ада, и мы этим с радостью пользовались. Мы углублялись в другой, таинственный район Киймы. Вдоль широкой улицы, с двух сторон тянулись руины внушительных домов. Стены были в хорошем состоянии, так как были построены из добротного материала, из сланцевого камня. Вместо окон и дверей зияли дыры, остальное скорее всего было сожжено. Эти руины - знак укрепления на этой территории советской власти. Это преступление, совершённое с целью уничтожения невинных людей. Раскулачивали целые семьи, вместе с детьми, людей расстреливали, а их дома жгли и разоряли, чтобы не оставалось камня на камне, но камень остался и кричал о тех, которых лишили жизни. Кое-где на стенах остались следы крови. Не смотря на то, сколько прошло времени, эти бурые пятна остались, примерно на уровне головы человека. За что погибли эти люди? В чём они были виноваты? Единственной их виной было то, что они были богаче других. Кулаки- зажиточные и свободные крестьяне, были угрозой для советской власти, поэтому их уничтожали без зазрения совести.

Целью наших с братом походов было найти что-то съестное. В лабиринтах руин образовывался слой плодородной земли и там росли разные полезные растения. Остатки стен защищали от солнца и ветра. Чаще всего мы собирали ягоды паслёна, растения из семейства паслёновых, его плоды похожи на нашу чернику, но на вкус совершенно другие. Я их не любила и не смотря на голод, трудно мне было ими объедаться. По- моему они были приторные, слишком сладкие, а их запаха я не переносила. Однако другим это не мешало и они считали паслён настоящим лакомством. Имея немного муки можно было налепить вареников с паслёном. Мы собирали также лебеду, из которой мама варила нам водянистый суп.

В 1944 году в нашей жизни наступили изменения. Мы с мамой обе получили работу у супругов Монтеграсс. На самом деле, это была странная супружеская чета. Он- итальянец, неимоверно красивый, инженер, строитель кораблей. Она- русская, предприимчивая, находчивая, тоже образованная. Мужчина был ссыльным, а истории его жены я не знаю. Перед ссылкой они занимались строительством кораблей в Одессе. Почему они были сосланы в сибирь- я не знаю. Скорее всего во времена большого кризиса он был завербован большевистскими агитаторами, действующими на западе. Может был коммунистом и из идеологических побуждений приехал, чтобы превозносить промышленное могущество советской России.

В Кийме чета Монтеграсс устроилась очень хорошо. Оба работали, занимали какие- то ответственные должности. Учитывая тогдашние условия, жили они в достатке. Я даже видела у них какао и конфеты, что по тем временам было роскошью. Но я могла на них только смотреть, никогда и ничего из этих деликатесов я не пробовала. Мама занималась уборкой, стиркой на стиральной доске, занималась огородом и выполняла во дворе физическую работу, однако никогда не готовила. Наши хозяева были ужасно скупые и еду держали под замком. Я нянчила девочку Ирку, которой было несколько лет от роду. Она была полькой, Монтеграсс её удочерили. Свои обязанности я исполняла старательно и по совести, мне же было уже десять лет, я думала и действовала, как взрослая. Уход за девочкой был заданием не из лёгких, так как у Ирки был тяжёлый характер. Она часто бывала злой, упёртой и непослушной. Мои педагогические действия не приносили результата. Иногда я получала по первое число, как- то даже получила скалкой по голове. Иренка даже кота не могла оставить в покое. Особое удовольствие ей доставляло издевательство над этим бедным животным. Однако сибирские коты- это большие и сильные животные и они не позволят причинить себе вред. Кот вскочил ей на спину и вцепился когтями. Никак не получалось его отцепить. Мама и я боролись с котом какое- то время и в конце концов освободили ребёнка. Коту показали, где

раки зимуют, а у Ирки остались на спине глубокие царапины и урок на всю жизнь, что от кота стоит держаться подальше. Монтеграсс использовали нас без зазрения совести, совсем нам не платили, а за выполненную работу давали немного еды. Чаще всего немного шелухи маленьких картофелин и немного отрубей. Утром, после прихода на работу, мне давали тонюсенький кусочек светлого, как солнце хлеба, потом буханку закрывали на ключ в шкафчике с застеклёнными дверцами. Целый день хлеб был у меня перед глазами, это была настоящая пытка. Здесь лежит прекрасная буханка хлеба, а у меня в животе волки воют. А вот масло я могла есть сколько влезет, но сколько же можно съесть масла! Клянусь, что немного, проверенно на себе. Вечером, после прихода домой, мама пекла нам лепёшки вместо хлеба. Сначала она варила принесённую картофельную шелуху, потом старательно её разминала и смешивала с отрубями. Из приготовленной массы мама лепила лепёшки и пекла их в печи. На вкус они были неочень, можно даже сказать отвратительные. Горьковатые, тёмного цвета, какие-то липкие, но имели одно преимущество, которое затмевало все их недостатки- они утоляли голод. Другим было хуже, у них даже этого не было. Героизм нашей мамы заключался в том, что она всегда умела раздобыть еду и не дала нам умереть голодной смертью. Вечерами, при свете копящей масляной лампы слышался монотонный скрип жерновов. Счастливы, которым удалось раздобыть зерно мололи его в муку, а из муки потом пекли толстые лепёшки- пышки.

Помнится на Пасху мама принесла два яйца и немного картошки. Мама пожарила картошку, добавила яйца и у нас был прекрасный праздничный завтрак, который я помню до сих пор. У этих праздников уже всегда был вкус яичницы с картошкой. Как так происходит, что с виду безделица так прочно оседает в памяти память, а другие события, может даже более важные- нет. Раз уж речь зашла о еде, я обязательно должна рассказать о бахче. Бахча- это поле на котором растут арбузы и дыни, единственные фрукты доступные в этой части Казахстана. Монтеграсс подарили нам узенькую полоску своей бахчи. Мы были богачами, ни у кого из поляков не было такого сокровища. Мама старательно садила семена прикрывая их дёрном. В середине лета мы дождались урожая. Ах, как же это было весело! Сначала нужно было ехать на телеге, запряженной волами, так как плантация была далеко, а потом уже одно удовольствие. Мы объедались чудесной мякотью красных и белых арбузов, наслаждались вкусом нескольких видов дынь. Кто хоть раз попробовал это великолепие, уже никогда не удовлетвориться вкусом тех, что продают у нас. Они обычно не имеют вкуса и в подмётки не годятся оригинальным. Когда мы наелись до отвала, мы решили помыться мякотью арбуза, результат нам

не понравился, мы были с ног до головы в липкой мази, к которой прилипал песок и пыль, но зато мы были сытые и счастливые.

Этим летом в Кийме произошло нечто необычное, маме пришла посылка из Тегерана, там были мужские полуботинки, немного сладостей и письмо. В письме неизвестный отправитель просил подтвердить, что посылка была получена. Вскоре пришла вторая посылка, в ней было немного продуктов, иранская виза и инструкция, что делать дальше. Мама была очень взволнована, думала, что удастся вырваться из этого ада. В связи с этим, согласно инструкции мама пошла в НКВД. Сотрудники НКВД очень удивились, просто ошолбенели, но это длилось буквально минуту, и вдруг, они взбесились, начали орать: «Откуда у тебя эти бумаги? Кто тебе это прислал? А может ты иранский шпион и хочешь сбежать? Сейчас же тебя арестуем и ты попадёшь в гулаг!» Мама испугалась, начала плакать, чтобы её отпустили, что у неё маленькие дети. Они сжалились, визу порвали и приказали выметаться, так и закончилось злополучное приключение с визой. Тайна открылась после войны. Мой отец сидел в лагере для военнопленных в Нойбранденбурге. Он сидел по соседству с американцами, их делила сетка и колючая проволока. Отец хорошо ладил с американцами. Он ремонтировал им часы, они платили ему сигаретами, за которые можно было купить еду. Он также использовал эти контакты, чтобы найти нас. У американских пленных было больше свободы, чем у других. У них было право переписки, таким образом они передали наши данные в Красный Крест в Америку, а оттуда, после того, как нас нашли, дело передали в Иран.

Последнее лето в Кийме было особенно мучительным. Такое пыльное, грязное и жаркое. Битком набитая квартира, духота, постоянные ссоры и недоразумения, из-за этого жить было ещё тяжелее. Я была старше, больше понимала и уже не могла вынести такой жизни. Я ждала изменений и изменения наступили. Мы получили информацию, что некоторых из нас переселят на освобождённую от немцев территорию Украины. Всё это происходило очень быстро. Сначала судорожные поиски своих фамилий в списке, отчаяние тех, кто должен был остаться. Поиски какой-нибудь фуранки, чтобы доехать до станции. Мы верили, что возвращаемся в Польшу, но правда была другой. Очередная злая шутка судьбы, нас переселяли на Украину. Выбрали только тех, у кого кто-то из семьи был в создающейся армии. К станции Жаксы мы ехали долго. Запряжённые в телеги волаы ехали медленно, не торопясь. Несколько ночей мы провели в степи. Уже похолодало, с надрывом пришла короткая осень. Все очень нервничали, мы не знали успеем ли, подождёт ли нас транспорт, или уедет без нас. Наконец мы добрались. Одинокая станция в огромной пустынной степи. Рельсы бежали аж до самого горизонта и там исчезали. Никто ничего не слышал ни о каком транспорте. Может приедет,

может нет. Мы ждали. Мы разбили лагерь вокруг вокзала и высматривали, не едет ли. Так мы кочевали неделю, спали под голым небом. В последнюю ночь нас присыпал первый снег, но зато свершилось, выпуская клубы дыма, из тумана показался локомотив с огромной красной звездой спереди. Он двигался достойно, тянул за собой длинный шнур товарных вагонов. Мы дождались. До боли знакомые товарные вагоны, но настроение уже не то, настроение было приподнятое. Мы же ехали ближе к Родине, а остальное не считается.

Пани Карпач

Миниатюрная, седенькая, всегда ухоженная, её лицо ещё хранило следы былой красоты. Такой я её запомню навсегда. Чаще всего пани Карпач носила длинное серое платье, в котором выглядела ещё более почтенно. Её волосы были аккуратно собраны на макушке в пушистый кок. Такие причёски были модными в начале двадцатого века. В те времена пани Карпач была молодой, красивой и счастливой. Эта женщина совершенно не вписывалась в окружающий мир, как будто прибыла из другой эпохи. Она не воспринимала трагическую действительность и это помогало ей выжить.

Я пишу о ней, дабы сохранить от забвения её образ. Я ей очень благодарна и наверное только я её помню. Пани Карпач сформировала мою личность, благодаря ей, я такая, какая я есть сейчас. Она научила меня замечать красоту окружающей природы, разбудила любовь к искусству и литературе. Привила мне основы хорошего воспитания и то, что меня стали интересовать знания и я полюбила учиться- это её заслуга.

Кем была пани Карпач? Какими судьбами она оказалась в маленьком казахстанском городке? Пани Карпач, в девичестве Любовь Алексеевна Ветлицкая, это российская аристократка. Её бабки и тётки были придворными дамами при царском дворе. Она закончила Смольный институт благородных девиц, где получила солидное образование и хорошее воспитание. Её безукоризненные манеры совершенно не вписывались в уродливую действительность, а для меня она стала примером для подражания. Ей дано было пережить ад революции 1917 года. Большевики перебили всю её семью. На каком-то из фронтов гражданской войны погиб её брат, как погибли её родители, я не помню. Сама пани Карпач чудом избежала смерти, в это время она была у сестры в Одессе. Но и там её нашёл злой рок. Из окна квартиры она видела страшную смерть своего шурина- командира военного порта. После того, как красные захватили город, они поставили на волнорезе несколько десятков царских офицеров, мужчины стояли, как на параде, в своих белозолотых формах в лучах солнца. Длинная серия из автомата свлила всех их в море. Чтобы спасти свою жизнь, пани Карпач пришлось убежать. Спасение нашла в Польше, поселилась в Ковеле, там же удачно вышла замуж за учителя- Пана Карпач. В этом браке она нашла и любовь и умиротворение. В этом браке она могла жить спокойно и забыть обо всём пережитом. Совместно с мужем открыли и успешно вели русскую гимназию. Жили счастливо, воспитывая сына Лёлика. Построили также прекрасный дом с садом и дружили с соседкой Марьей Ивановной. Однако

злая судьба опять вспомнила про Пани Карпач. Она овдовела, потеряла человека, который был для неё всем. В то же время начались проблемы с сыном, на учёбе он связался с коммунистами и стал ярким последователем этой идеологии. Издѣвка судьбы! Он, состоявший в родстве с лучшей российской аристократией, связался с еми, которые хладнокровно перебили его семью со стороны матери. Отчаяние Пани Карпач было безграничным. С одной стороны любовь к сыну, с другой отчаяние и страх за его жизнь. Ситуация динамично развивалась. За участие в перевороте, в рамках коммунистической вооружённой группы, Лёлик сидел в тюрьме. После выхода из тюрьмы немного образумился, даже женился. Избранницей этого атеиста стала университетская подруга, дочь попа. Столкнулись два совершенно разные мировоззрения, но это не помешало им создать счастливую семью. Казалось бы, всё начало укладываться, но пришла война. В Ковель вошли советские войска. Конечно, Лёлика, как истинного коммуниста оценили по достоинству. Он получил хорошую должность и всерьёз взялся за строительство коммунизма. Не наработался. Вследствие интриг и доносов был арестован НКВД. Без суда и следствия его увезли на Колыму. В скором времени НКВД постучало в дверь, чтобы забрать его жену в Сибирь. Приказа забрать пани Карпач не было, и она могла спокойно жить дальше, но не смогла оставить невестку в такой ситуации, тем более, что та была беременна. Пани Карпач заявила, что добровольно едет в Сибирь, чтобы заботиться о невестке. Так как она не была ссыльной ей разрешили спокойно собраться и взять немного больше вещей. Таким образом Пани Карпач вместе с невесткой оказались в Кийме. Там разыгрался последний акт этой трагедии. Невестку Пани Карпач, молодую, красивую, образованную, но очень хрупкую женщину, отправили на каторжный труд, который был выше её сил. Несмотря на то, что она была беременна её заставили возить воду из Ишима. Она погоняла волов, тянувших телегу с большой деревянной бочкой, затем ведром черпала воду из реки и таким образом наполняла бочку. Непосильный труд истощил её организм. В муках, без какой-либо медицинской помощи она родила девочку, но сама умерла при родах. Младенец остался с беспомощной и отчаявшейся свекровью. Пани Карпач переворачивала небо и землю, чтобы раздобыть хоть немного молока для внучки. Даже фамильные драгоценности не помогли, в те времена они были лишены ценности и выменять их на еду не удавалось. Девочка прожила всего шесть месяцев, потом тоже умерла. Когда Лёлик узнал о смерти близких, наложил на себя руки. Пани Карпач потеряла всех, осталась совершенно одна. Она напоминает мне застывший от боли персонаж греческой трагедии. Иногда я думаю о том, сколько человек может вынести, какое несчастье может пережить. На примере Пани Карпач можно увидеть, как сильно человек может страдать и всё же продолжает жить.

Помню, как я просыпалась ночью и видела на фоне окна очертание её фигуры, пожилая женщина сидела на своём большом сундуке, о чём она тогда думала- я не знаю. Бессонница давала о себе знать. Днём Пани Карпач была довольно таки активной, суежилась в кухне. Чаще всего, в маленькой кастрюльке варила украинский борщ, а потом с аппетитом его ела. До сих пор вижу маленький ковшик, а в нём свеколка, капуста и несколько стручков фасоли. Странно, многое позабылось, а такие, казалось бы безделицы так глубоко отложились в памяти. Такие как эта: вот, в морозный день приходит из школы замёрзший сын хозяйки. Одет он худо, в какую- то короткую потрёпанную шинель. Стоя лицом к стене растирает оковеневшие руки и тайком вытирает слёзы. Так получилось, что как раз в этом месте на стене висел портрет Сталина. Пани Карпач, сидя на своём сундуке, присматривалась к мальчику какое- то время, а потом показывая пальцем на портрет Сталина сказала: «Вот, смотри Ваня, это убийца.», на что Иван кричит: «Бабушка, замолчи, я сейчас пойду в НКВД!», «Иди, иди скорее - спокойно ответила пани Карпач- пусть придут и убьют меня, закончатся мои страдания. Что ещё они мне могут сделать? Убили моего сына, убили невестку, внуку убили, так пусть же и меня убьют. Я уже никого не боюсь. Хуже уже не будет. Страдания меня освободили.» На самом деле, она ходила с высоко поднятой головой, излучая какую- то аристократическую гордость. Тех, кто заставил её страдать, она презирала, называла их красной нечистью. Сталина, его режим, палачей, чьими руками он убивал она искренне ненавидела. пани Карпач не скрывала своего мнения, более того, она говорила об этом вслух, а на те времена это была неслыханная смелость, ведь в гулаг попадали даже невинные люди. Однако, ничего этого не произошло. Судя по всему НКВД уже не интересовалось пани Карпач. Она и дальше могла царить и с высоты своего сундука наблюдать за тем, что вокруг неё происходило. Пани Карпач и её сундук были отдельным анклавом в этой кошмарной квартире, где все постоянно ссорились и имели друг к другу претензии. Тучи сгущались, атмосфера была неприятная, иногда мне казалось, что задохнусь, и тогда Пани Карпач звала меня к себе: «Бася, бася, иди скорее сюда, я как раз ночью что- то вспомнила». Я быстренько бежала к ней, садилась на табуретке слушала её рассказы и перемещалась в другой мир, мир который был лучше и красивее, серые будни переставали существовать.

Пани Карпач хотела учить всех совместно проживающих в этой квартире детей, но не получилось, так как матерям было всё равно, а дети, как дети не хотели учиться. Они предпочитали шататься по округе без присмотра и шалить. Не знаю, почему именно я садилась на упомянутой выше табуретке и часами слушала рассказов Пани Карпач. А она открывала передо мной мир дореволюционной России.

Рассказывала о жизни при дворе, традициях, встречах, невинных флиртах, великолепных приёмах, балах до утра и катании на санях по искрящемуся снегу. В её рассказах веселящийся царский Петербург восхищал своей архитектурой, изысканными нарядами дам, украшенными драгоценностями. Что касается драгоценностей, то я видела украшения пани Карпач, которые она привезла с собой. Когда у неё было хорошее настроение, она вытаскивала из сундука две длинные нитки красиво ограненных, величиной с грецкий орех гранатов и широкий золотой браслет, украшенный также гранатами. Было там также бриллиантовое кольцо и несколько колец с бриллиантами и сапфирами. Особое место в сердце Пани Карпач занимала повреждённая папиросница, когда-то она принадлежала её умершему брату. Это было произведение искусства! Папиросница была сделана из панциря черепахи, сверху инкрустирована белым и жёлтым золотом, переливалась перламутром и маленькими бриллиантиками. На ней была изображена виноградная лоза, под ней, во фраке и шаловливой шляпке художник с мольбертом и кистью. Внизу маленькие цветные цветочки блестели бриллиантиками. Все эти украшения, без сомнения, были очень дорогостоящими, но по тем временам они ничего не значили. Никто не хотел их покупать, нельзя было поменять их на еду, никого не интересовало, какое это сокровище. Для Пани Карпач они имели особое значение, напоминали ей о прошлой, счастливой жизни. Сейчас мне кажется, что Пани Карпач немного идеализировала и приукрашивала свои рассказы. Скорее всего воспоминания о прошлом помогали ей жить и вынести этот ад, который приготовила для неё жестокая судьба. Я заслушивалась и была очарована и восхищена тем, что может существовать совершенно другая жизнь. Жизнь, которой я не знала. Мою же личность формировала иная реальность, голодная, холодная и переполненная страхами. Я была грустным, замкнутым ребёнком. У мамы, забегавшейся в поисках пропитания, измученной непосильным трудом, не было времени заниматься нами. Только Пани Карпач позаботилась обо мне, посвятила мне много времени. Она учила и воспитывала меня, я же была безгранично удивлена, что кто-то может посвятить столько внимания мне, серенькой, запуганной мышке. Знания, которые она мне передавала были весьма бессистемные, в зависимости от того, что в бессонную ночь вспомнила Пани Карпач. Преобладали знания из области средней школы, но нехватало азов. Я изучала русскую литературу, (стихи пушкина даже сегодня поню наизусть), географию, математику, историю искусства, и фрагменты из других областей. Особое значение имели уроки хороших манер. Благодаря им я узнала, как должна себя вести воспитанная барышня, что такое нравственность, какие должны быть ценности в жизни, как ходить с высоко поднятой головой и прямой спиной, но в то же время оставаться скромной. Учила меня что хорошо,

а что плохо и как отличить одно от другого. Может наши отношения учителя и ученика не только мне были нужны, может для пани Карпач тоже была какая-то польза. Наверняка она убивала таким образом ужасно тянущееся время, избавлялась от плохих мыслей, возвращалась в мир богатства и роскоши былой жизни. В моей памяти она всегда будет необыкновенной, увлекательной личностью, в которой было столько блеска, красоты и силы. Я всем сердцем хочу таким образом спасти этого прекрасного человека от забвения.

Украина

Нас встретила грустная, осенняя, плачущая дождём Украина. Плоские, тянущиеся по горизонт поля кое где были пересечены оврагами. Непроезжие вязкие дороги с глубокими колеями, на которых ноги утопали в глине по самые косточки. Тяжелое от оловянных туч небо висело низко над головой. Кое где ютились маленькие, окрашенные в голубой цвет хатки, возле каждой из них небольшой огород, несколько фруктовых деревьев, обязательно вишни и абрикосы и по несколько ульев. Они вносили разнообразие в этот унылый пейзаж. Видно было, что совсем недавно, здесь как ураган прошла вторая мировая война. На этой территории была битва, которая вошла в историю под названием битвы на курской дуге. В память о ней остались остовы танков. Десятки, а может даже сотни танков, застрявших гусеницами в глине стояли там неподвижно и пробуждали в нас беспокойство. Ещё одним «подарком» войны были мины. Огромные поля стояли с несобраным урожаем пшеницы и кукурузы, они были полностью заминированы.

Такой мы увидели Украину осенью 1944 года. Следующая остановка на долгом пути в Польшу. Условия жизни улучшились настолько, что мы могли как-то существовать. Мы получили отдельную чистую комнату, побеленную извёсткой. Глиняный пол выстилался чистой соломой, а печь давала тепло. Огонь в печи делал наше жильё уютным. Закончились для нас голодные времена, у нас было что есть. Из совхозовской столовой нам давали обед, а я каждый день ходила за ним около трёх километров, на соседний хутор. Дорога, а скорее тропинка пробегала по дну узкого оврага. Я должна была придерживаться тропинки, так как с обеих сторон в земле были вездесущие мины. Я не боялась мин, я просто не знала что это, до поры... Я боялась совершенно другого. Только что я прочитала «Пана Влодеёвского» Хенрика Сенкевича и в моей памяти осталась вся мифология этой повести. Глубокий яр, стены которого поросли колючим кустарником был идеальным фоном для моей фантазии и я думала, что вот, на моём пути появятся ведьмы, стржиги, утопленники и прочая нечисть. Чтобы придать себе смелости, я звенела посудой, которую несла. Это бала большая банка для супа и миска для второго.

Меню было однообразное. Супы: капустник и борщ, а на второе каша со шкварками: перловка, пшенка и изредка гречневая. Я появлялась на кухне, такая маленькая, перепуганная и чумазая беда, послушно стояла и ждала обеда. Я наверное понравилась полным и блестящим от пота кухаркам при виде меня они кричали: «Вот и наша Вася пришла!». Наверное поэтому мне давали какую-нибудь добавку к супу, на пример кусок жирного мяса. Обеды хоть и были однооб-

разные, но вкусные. Украинские хозяйки славились тем, что умели готовить. Мои самостоятельные походы закончились когда нас перенесли в ту деревню, где была столовая.

В начале нашего пребывания на Украине взрослые ходили на «мышаки», потом это делать категорически запретили. «Мышаки»- это насыпи, сделанные грызунами, в которых они собирали запасы на зиму. Этого было очень много. Самые хорошие колосья пшеницы, ровненько обрезанные у основания, они были старательно уложены в ряд и присыпаны толстым слоем земли. Зерно молотили и мололи на жерновах, а из полученной муки пекли разные лакомства. Больше всего мне запомнились огромные пироги, которые пекли в печи. Пироги были со стёртой на тёрке свеколкой и великолепными сушёными фруктами: абрикосы, вишни, сливы и прочие. Ах! Как это было вкусно! Даже сегодня я бы с удовольствием их съела. А вот моему брату запомнилось другое, так называемые дивне. Что такое дивне?- Это старательно вырезанные в форме лепестков кусочки теста, потом их накалывали на длинную палочку и пекли в печи. Их делали как бы кстати, специально для детей. Детвора потом бегала с этими палочками, делая вид, что птицы летают, было очень весело. У детей не было игрушек, поэтому им приходилось самим придумывать себе развлечения.

Довольно таки тёплая украинская зима постепенно заканчивалась и начиналась весна. Солнце пригревало всё сильнее, остатки снега таяли, земля размерзалась. С полей стекали ручейки, чтобы на дороге соединиться в стремительный поток, который стекая в овраги превращался в пенящуюся реку. Когда всё немного подсохло, для поляков закончился защитный период. Власти совхоза решили, что согласно правилу «кто не работает- тот и не ест»- на еду нужно заработать, и поэтому пора выходить на работу. И так, для некоторых первый день на работе стал последним днём жизни. В первую очередь послали молодых людей, приказали собрать прошлогодний урожай. Они пошли на заминированное поле кукурузы. Было несколько взрывов, были убитые и раненные. Я видела девушку с оторванными ногами, её водрузили на грязный грузовик и без всякой помощи повезли куда- то в больницу. Не знаю, выжила ли она. До сих пор задумываюсь, почему так случилось, была ли это случайность или преднамеренные действия? Может кто-то ошибся, или они это сделали специально? Может поляков использовали, как пушечное мясо, чтобы разминировать поля. Ответа на этот вопрос я не знаю. Мало кто знает и помнит это преступление, скорее всего дело замяли. Я же это хорошо помню, я тогда была уже большой девочкой, мне было одиннадцать лет. После этой трагедии поляков уже не загоняли на заминированные поля, но продуктов питания тоже не давали, нужно было добыть самим. Обменной валютой было зер-

но, им платили за другие продукты. У нас было несколько способов, чтобы раздобыть зерно, все они были либо сложные, либо опасные для жизни. Я запомнила один из них, тот, в котором я принимала участие. Недалеко от нашего села складировали зерно, огромные отвалы зерна лежали прямо на земле и пропадали. Из-за дождей зерно запревало, температура возрастала до такой степени, что зерно самовозгоралось. Однако никто не мог взять даже горстки. Следуя теории Сталина – можешь подышать от голода, глядя, как портится еда, но трогать государственное добро не смей. Мы просто ходили по ночам с мешком и воровали зерно, несмотря на то, что за это грозила тюрьма. Однажды, я тоже пошла в такую экспедицию, я рисковала меньше чем моя мама, так как я была ребёнком. Несколько женщин с мешками, среди них я, ночью мы крались к складированному зерну, озирались, смотрели где сторож, и с другой стороны начинали сгребать зерно. Вдруг мы услышали крик, целый букет проклятий, прибежала сторожиха с палкой. Мои соратницы побросали мешки и наутёк, а я стояла, как вкопанная, от страха не могла сдвинуться с места. Удивлённая сторожиха посмотрела на меня внимательно и прокричала, ругаясь матом: «А ты почему ещё здесь? Выметайся и забирай свой мешок!» Я убежала таща за собой мешок с несколькими килограммами пшеницы. Когда я немного опомнилась, я поняла, что на дворе ночь, что я совсем одна на полевой дороге и то до дома далеко. Наконец я добралась, с трудом дотащила около 10 килограмм пшеницы. Только мне удалось вернуться с добычей. В воскресенье мама пошла на рынок продавать зерно. Вместе с другими женщинами мама вставала рано утром, было ещё темно, и шла в городок, который находился десятка полтора километров от нашей деревни. Там они меняли зерно на другие продукты. Обычно это был прекрасный украинский сыр, густая сметана, мёд, сушёные фрукты и белый хлеб. Особенным деликатесом считались вареники с разными начинками, я больше всего любила с сушёными вишнями. Детвора не могла дождаться своих мам и выходила им на встречу. Я эти походы вспоминаю с улыбкой, это были одни из самых радостных моментов моего детства. Первая украинская весна пришла неожиданно. Снег растаял, по оврагам потекли стремительные потоки, на небе светило солнце, согревая землю. Природа просыпалась после зимнего сна. Фруктовые деревья покрылись цветами, вокруг всё зазеленилось. Белыми цветами цвёл боярышник, розовыми дикие абрикосы. Черёмуха пьянила своим ароматом, её запах, от которого кружилась голова, разносился по всей округе, а иногда был даже ядовитый. Немного позже расцвела сирень, её фиолетово-голубые облака прекрасно дополняли рисунок этого цветочного ковра. Птицы совсем сошли с ума, их было множество. Носились, как ошпаренные, строили гнёзда и пели, пели без конца. Больше всего я любила слушать вечерами соловьиные песни. Больше никогда в жизни

я не слышала такого концерта. На лужайках выросла высокая трава, а в ней медоносные цветы переливались всеми цветами радуги: белый и красный клевер, жёлтые одуванчики, огненно-красные маки, голубые васильки, фиолетовые колокольчики и много-много других растений, названий которых я не знаю. Я очень любила погружаться в эту пахнущую гущу и слушать стрекот цикад, жужжание пчёл, собирающих мёд, и наблюдать за вознёй божьих коровок, гусениц и сказочно красивых бабочек. Я могла часами лежать в траве. Я была нелюдимом, не любила играть с детьми, предпочитала стоять в стороне. Мальчишки играли в остовах танков, я боялась этих железяк, они меня отталкивали. Хотя нужно признать, что от походов к танкам была и польза. Оттуда можно было что-нибудь стащить, на пример из твёрдой, чёрной резины мы вырезали мячики разной величины, они отлично отскакивали от стены.

Весной 1945 года кончилась война. Люди как будто пробудились ото сна, стали весёлыми, с надеждой смотрели в будущее. С нетерпением ожидали возвращения своих близких с фронта, а те не теряли времени даром и грабили в Германии всё, что только можно было. Приходили огромные посылки с разным добром. В одной из них был огромный занавес из какого-то театра, кремовый репс, украшенный золото-зелёно-коричневыми цветами. Из этой ткани мама сшила платья для половины деревни. Счастливые обладатели сокровища продавали его местным модницам. Мама не только шила, но и проектировала разные модели. Многочисленные клиентки были в восторге, раньше им не доводилось носить такие элегантные вещи, ведь их извечным убранством была широкая юбка, бесформенная блузка и платок, который периодически менялся и был украшением всего костюма.

Что касается нас, поляков привезённых на Украину, казалось, что никто не интересуется нашей судьбой. О нашем существовании забыли и Бог и люди, но это была неправда. В скором времени появился ИХ посланец и начал агитировать. Читал пламенные речи о том, что Советский Союз наш друг, что мы должны быть благодарны и так далее и тому подобное, поэтому мы должны массово вступать в союз. Обещал в скором времени оказать материальную помощь, но о возвращении в Польшу ни слова. Люди, как люди, одни поверили этой пропаганде и записались, а другие, в том числе моя мама с отвращением и возмущением отказались. Спустя годы, когда я выросла и многое поняла, я стала гордиться моей мамой. Тем временем, агитатор собрав толпу новых патриотов, решил выбрать доверенное лицо. Однако желающих не было. В конце концов вызвалась одна женщина, которая внешне, ни внутренне доверия не внушала и не смотря на это выбрали её. Я имела возможность наблюдать за её действиями, так как она жила в соседней

избе. Привезла мешок муки, мешок сахара и несколько банок растительного масла. Конечно же получали только те, которые записались в Союз патриотов. Большую часть этих продуктов эта дама оставила себе. Людям отмеривала порции муки и сахара консервной банкой, по одной банке на человека, а сама с сыном объедалась до ужаса. Я наблюдала, как содержимое мешков таяло. Мы с братом не могли понять, почему другие дети едят хлеб посыпанный сахаром, а мы нет. Мы уже даже забыли, какой он на вкус.

Лето было в разгаре. Украинское богатое лето, пахнущее мёдом и фруктами. Только у поляков не было повода для радости, они уже устали от постоянного ожидания возвращения на Родину. Закрадывались сомнения, а что если мы застряли здесь навсегда... Для меня это лето стало самым большим кошмаром в моей жизни, а всё началось по вине маленькой птички, которую местные называли сычём. Сыч-это маленькая сова, серенькая и невзрачная с очень громким и неприятным голо-сом. Именно этого голоса и боялись местные, утверждая, что крик сыча предзна-менует несчастье или даже смерть. Птичка угукала: «ухухау-ухухау», а люди слышали «поховав- поховав»³. Я наслушалась этих рассказов и хоть и не видела никогда этой совы, из -за суеверий её панически боялась. Однажды сыч уселся на ветви абрикосового дерева, прямо напротив окна возле которого я спала и начал свой концерт. Не знаю, может это совпадение, но случилось несчастье, тяжело за-болела наша мама. Начала постепенно отдаляться от нас, замкнулась, совершенно перестала нами интересоваться. Одним словом не выдержала психически. В при-хожей, в которой никто не жил, целыми ночами сидела на подоконнике и всматри-валась в темноту, совсем не спала. Я подсознательно чувствовала, что происходит что- то недоброе и не отходила от мамы ни на шаг. Я сидела на пороге, или прямо на полу и сквозь темноту смотрела на фигуру мамы на фоне окна. Я была бдитель-на и готова действовать в каждую минуту. Скорее всего огромное напряжение и стресс не позволяли мне уснуть. Я не припоминаю, чтобы кто- то протянул нам руку помощи, я не слышала ни от кого доброго слова. Когда мама перестала есть и совсем ослабла нам помогло руководство совхоза. Маму забрали в больницу. Мы с братом стояли на полевой дороге, как всегда держась за руки и смотрели, как отдаляется фурманка в облаках пыли. Мы остались одни. Здесь мои воспоминания прерываются. С того периода я ничего не помню. Чёрная дыра. Что с нами проис-ходило, я могу только догадываться. Скорее всего, какая- нибудь сердобольная ук-раинская соседка давала нам по куску хлеба и миске супа. Наверняка я заботилась о брате и мы вместе ожидали возвращения мамы. Но это всё только домыслы. Че-рез месяц мама вернулась, спокойная, с приподнятым настроением и занялась

³ Поховав- укр. похоронил

нами. Жизнь как бы вошла в привычное русло, но так как раньше уже никогда не было. След в душе остался навсегда. С этого момента мне уже всегда сопутствовало чувство опасности. Мама опять начала шить на одолженной швейной машине, таким образом она зарабатывала на еду. Часто ходила в соседние деревни с готовой одеждой и принимала заказы. За работу ей платили натурой- едой. Мы уже никогда не голодали. В конце февраля 1946 года, как гром среди ясного неба, нам сообщили, что мы едем в Польшу. Я впала в панику, мамы не было дома, она как обычно ходила по деревням, все собираются, а мы можем не успеть. Я побежала ей на встречу, запыхалась, ноги переставали меня слушаться, на пол пути мы встретились и назад уже бежали с радостью. Мы успели.

Мы едем домой. Кроме радости и огромного счастья мы уже ничего не чувствовали. В одночасье исчез весь ужас предыдущих лет. Просто мы едем домой, а остальное не важно.

